

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 292

27 ноября 2025 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Г. от ... года (вх. № ... от ...) в отношении адвоката К. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы ... года вынесла заключение:

1) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката К. по жалобе Г. от ... года (вх. № ... от ...), в части доводов о несогласии с размером полученного адвокатом К. вознаграждения, а также требований о его частичном возврате – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката К. по жалобе Г. от ... года (вх. № ... от ...), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения адвокатом своих профессиональных обязанностей.

Заявитель – Г., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, участие представителя не обеспечил.

Адвокат К., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, письменно уведомил о получении заключения Квалификационной комиссии, ознакомлении и согласии с ним, просил рассмотреть дисциплинарное производство в его отсутствие (вх. № ... от ...).

Руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившихся участников.

Рассмотрев дисциплинарное производство, Совет соглашается с заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела. При этом Совет считает необходимым частично изменить обоснование этих выводов, как описано ниже.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

... года Г. обратился к адвокату К. за оказанием юридической помощи в уголовном судопроизводстве, а ... года перечислил на счет личной банковской карты адвоката К. ... рублей. ... года между адвокатом К. и доверителем Г. путем обмена светокопиями в мессенджере WhatsApp заключено Соглашение об оказании юридической помощи от ... года № ... (далее – Соглашение от ... года), предусматривающее в качестве предмета поручения: «составление стратегии защиты для Г., Л. и М. для допросов их по уголовному делу...» (п. 1.2.2), за вознаграждение в размере ... рублей (п. 4.1), которое может быть выплачено двумя частями с уплатой второй части вознаграждения ... года (п. 4.4).

... года адвокат К. посредством мессенджера WhatsApp направил заявителю Г. письменный анализ материалов дела, в разделе «Выводы» которого, в числе прочего, было указано: «На основании законодательства и сложившейся практики приходим к выводу, что в действиях Г. нет состава преступления» (лист 10 письменного анализа материалов дела). Кроме того, на листе 15 вышеуказанного письменного анализа материалов дела указывается: «Вместе с тем есть небольшой риск привлечения Г. по ст. 204.1 ч. 3 УК РФ при следующих условиях: – Если Г. будет настаивать на том, что он «номинал», и это будут подтверждать другие свидетели; – Если Л. будет настаивать на том, что Г. «номинал», и это будут подтверждать другие свидетели и какие-то вещественные доказательства; – Если сам Г. даст признательные показания. Соответственно, чтобы уменьшить риски привлечения Г. по ст. 204.1 ч. 3 УК РФ, необходимо следующее: – Составить показания для Л. с минимальными расхождениями с его данными показаниями. <...> – При допросе Г. выдать им подготовленные показания».

... года Г. перечислил на счет личной банковской карты адвоката К. ... рублей.

Не позднее ... года между адвокатом К. и доверителем Г. была достигнута устная договоренность о вылете адвоката К. в город Х. для осуществления защиты Г. в ходе следственных и иных процессуальных действий, запланированных на ... года. ... года по поручению Г. его «доверенное лицо» И. перечислил на счет личной банковской карты адвоката К. ... рублей.

... года между адвокатом К. и доверителем Г. подписано Соглашение об оказании юридической помощи от ... года № ... (далее – Соглашение от ... года), предусматривающее в качестве предмета поручения: «Выезд в город Х. для защиты Г. при следственных действиях по уголовному делу ...года, при необходимости выезд в город С. [Так указано в Соглашении об оказании юридической помощи. Правильно – город Ю.-С. – Примечание Совета] для участия в заседании по мере пресечения» (п. 1.2.2). Пункт 4.1 Соглашения от ... года предусматривает выплату адвокату К. вознаграждения за оказание юридической помощи в размере ... рублей, которое подлежит уплате двумя частями, а именно: ... рублей «при подписании Соглашения», а также ... рублей в срок до ... года (соответственно п. 4.3 и п. 4.4 Соглашения от ... года).

... года адвокат К. вступил в качестве защитника в уголовное дело №..., возбужденное ... года в отношении Г. постановлением старшего следователя первого отдела по расследованию особо важных дел Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по С. области по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 204.1 УК РФ.

В период с ... по ... года Г. с участием адвоката К. был задержан и допрошен в качестве подозреваемого, после чего ему было предъявлено обвинение. ... года Г. перечислил на счет личной банковской карты адвоката К. ... рублей. ... года Г. отказался от защитника – адвоката К., а ... года в отношении него судом была избрана мера пресечения в виде запрета определенных действий.

... года Г. сообщениями в мессенджере WhatsApp потребовал от адвоката К. возврата рублей, которые назвал «ошибочно переведенными» перед его задержанием года, а также проинформировал адвоката К., что не получил от него экземпляр соглашения об оказании юридической помощи, и что у него «нет никакого соглашения». ... года адвокат К. в мессенджере WhatsApp отправил Г. текстовый файл, содержащий Соглашение о расторжении соглашения об оказании юридических услуг от ... года, которым был предусмотрен возврат доверителю ... рублей.

... года вознаграждение в сумме ... рублей, полученное адвокатом К. от доверителя Г. по Соглашению от ... года, перечислено на расчетный счет адвокатского образования на основании платежного поручения от ... № В этот же день адвокат К. посредством мессенджера WhatsApp отправил Г. сообщение, содержащее отчет о юридической помощи, оказанной по Соглашению от ... года.

... года адвокат К. посредством мессенджера WhatsApp отправил Г. светоконии подписанного адвокатом К. Отчета от ... года о выполненной юридической помощи по соглашению об оказании юридической помощи от ... года №..., а также подписанного адвокатом К. и доверителем Г. Соглашения от ... года.

... года адвокат К. посредством мессенджера WhatsApp отправил Г.:

- квитанцию к приходной кассовой доверенности от ... года № ... о принятии адвокатом К. от доверителя Г. по Соглашению от ... года «предоплаты» в размере ... рублей;

- квитанцию к приходной кассовой доверенности от ... года № ... о принятии адвокатом К. от доверителя Г. по Соглашению от ... года «доплаты» в размере ... рублей;

- квитанцию к приходной кассовой доверенности от ... года № ... о принятии адвокатом К. от доверителя Г. по Соглашению от ... года «предоплаты» в размере ... рублей;

- квитанцию к приходной кассовой доверенности от ... № ... о принятии адвокатом К. от доверителя Г. по Соглашению от ... года «доплаты» в размере ... рублей.

... года вознаграждение в сумме ... рублей, полученное адвокатом К. от доверителя Г. по Соглашению от ... года, перечислено на расчетный счет адвокатского образования на основании платежного поручения от ... года №

Заявитель Г. выдвигает в отношении адвоката К. следующие дисциплинарные обвинения:

1) в оказании юридической помощи по оценке риска привлечения к уголовной ответственности и осуществлению защиты в уголовном судопроизводстве без заключения соглашений об оказании юридической помощи в простой письменной форме;

2) в злоупотреблении доверием, выразившемся:

- в передаче ему на подписание Соглашения от ... года, «включая акты выполненных работ», при проведении следственных и иных процессуальных действий, проводимых с участием Г. ... года, которые тот подписывал «с наручниками на руках, не глядя», находясь в паническом и спутанном состоянии сознания и безоговорочно доверяя своему адвокату;

- в «присвоении» ошибочно перечисленных ему Г. ... года денежных средств в размере ... рублей;

3) в невыдаче экземпляра Соглашения от ... года;

4) в обещании положительного результата оказания юридической помощи в виде непривлечения Г. к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 204.1 УК РФ;

5) в совершении действий вопреки воле доверителя Г. в ходе следственных и иных процессуальных действий ... года.

Кроме того, заявитель Г. в жалобе выражает несогласие с размером вознаграждения адвоката К., предъявляя требование о его частичном возврате.

В ходе дисциплинарного производства адвокат К. все выдвинутые в отношении него дисциплинарные обвинения последовательно отрицал. Ссылаясь на то, что оказание юридической помощи Г. осуществлялось на основании заключенного с ним письменного соглашения. Анализ материалов дела проводился на основании устных пояснений и копий документов, полученных от Г. Каких-либо гарантий непривлечения Г. к ответственности

он не давал, а выразил свое мнение об отсутствии состава преступления. Подписание соглашения состоялось позже, ... года, в городе Х., хотя предварительные договоренности были достигнуты ранее и оговорены перепиской в мессенджере. Вознаграждение адвоката составляло ... тысяч рублей, включая компенсацию транспортных расходов. Юридическую помощь он оказывал надлежащим образом. Оформление соответствующих финансовых документов задержалось из-за отпуска адвоката и срочного характера поездки в город Х..

Рассматривая дисциплинарное обвинение в оказании Г. юридической помощи по оценке риска его привлечения к уголовной ответственности и при осуществлении защиты в уголовном судопроизводстве без заключения соглашений об оказании юридической помощи в простой письменной форме, Совет отмечает, что согласно ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», «адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем» (п. 1), которое представляет собой «гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу» (п. 2).

Согласно абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ, письменная форма сделки считается соблюденной также в случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю.

Согласно п. 1 ст. 432 ГК РФ, договор считается заключенным, если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора. Существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

В силу п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», к числу существенных условий соглашения об оказании юридической помощи относятся: указание на адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения в качестве поверенного (поверенных), а также на его (их) принадлежность к адвокатскому образованию и адвокатской палате (пп. 1); предмет поручения (пп. 2); условия и размер выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь либо указание на то, что юридическая помощь оказывается доверителю бесплатно в соответствии с Федеральным законом «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (пп. 3); порядок и размер компенсации расходов адвоката (адвокатов), связанных с исполнением поручения, за исключением случаев, когда юридическая помощь оказывается доверителю бесплатно в соответствии с

Федеральным законом «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (пп. 4); размер и характер ответственности адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения (пп. 5).

Пункт 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» предусматривает, что «вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением».

Согласно п. 15 ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», соглашения об оказании юридической помощи в коллегии адвокатов заключаются между адвокатом и доверителем и регистрируются в документации коллегии адвокатов.

Поскольку адвокат является профессиональным участником юридического правоотношения с доверителем, то обязанность «честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами» (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») «распространяется не только на собственно процесс оказания доверителю юридической помощи, но и на вопросы формализации отношений адвоката с доверителем» (См., например, *Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы // Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2012. Выпуск № 1, 2, 3 (99, 100, 101). С. 99*).

Требования к форме и содержанию соглашения об оказании юридической помощи должны соблюдаться уже в силу того, что они нормативно закреплены и, следовательно, являются общеобязательными. Кроме того, заключение соглашения в письменной форме и четкое указание в нем существенных условий, в том числе предмета поручения, позволяют определить взаимные права и обязанности адвоката и доверителя в связи с выполнением конкретного поручения. Нарушение указанных требований федерального законодательства влечет за собой возникновение состояния неопределенности в правоотношениях адвоката и доверителя, восприятие доверителем адвоката не как независимого советника по правовым вопросам (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), а как лица, которое, пользуясь своими связями и знакомствами в правоохранительной системе, оказывает различного рода услуги неясной правовой природы. Все это, будучи тем или иным образом обнаружено, в конечном итоге подрывает доверие граждан, общества и государства к адвокатам и адвокатуре как важнейшему правозащитному институту (См. *Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2004. Выпуск № 11-12 (13-14). Москва. С. 18*).

При этом в тех случаях, когда адвокатом были допущены нарушения при формализации отношений с доверителем, адвокат в период действия соглашения об оказании юридической помощи имеет возможность их устранить.

Проверяя соблюдение адвокатом К. вышеуказанных профессионально-этических предписаний, Совет приходит к выводу о том, что установленные в ходе рассмотрения настоящего дисциплинарного производства фактические обстоятельства опровергают довод заявителя Г. о том, что адвокат К. приступил к оказанию ему юридической помощи без заключения соглашения об оказании юридической помощи. В материалах дисциплинарного производства имеются скриншоты переписки посредством мессенджера WhatsApp, которая велась адвокатом К. с абонентом, использующим номер мобильного телефона «+7 914 161-**-**», соответствующий номеру мобильного телефона, указанному самим заявителем Г. в своей жалобе в качестве контактного. Указанную переписку заявитель Г. не оспаривал, более того – сам ссылался на нее в письменном дополнении к жалобе от ... года. Из содержания этой переписки усматривается, что адвокат К. ... года в ... часов ... минут получил от Г. файл, содержащий светокпию Соглашения от ... года, на котором имеются подписи как адвоката К., так и доверителя Г. Кроме того, этому предшествовало направление адвокатом К. доверителю Г. подписанной им светокпии Соглашения от ... года с просьбой к Г. «прислать подписанные страницы». При этом п. 6.2 Соглашения от ... года предусматривал возможность направления юридически значимых сообщений, в том числе через мессенджер WhatsApp, тогда как номер мобильного телефона Г. «+7 914 161-**-**» был указан в качестве принадлежащего ему номера «телефона/мессенджера» в п. 7.2 данного Соглашения об оказании юридической помощи. В заседании Квалификационной комиссии заявитель Г. признал получение от адвоката К. Соглашения от ... года.

Согласно доводам как адвоката К., так и доверителя Г., объективные условия для непосредственного подписания Соглашения от ... года отсутствовали, поскольку Г. находился в Т. Республике, а адвокат К. – в Российской Федерации. Вместе с тем, направленная адвокату К. доверителем Г. посредством мессенджера WhatsApp копия Соглашения от ... года позволяет воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, а использованный ее сторонами способ ее оформления позволяет достоверно определить лиц, выразивших волю на ее заключение.

Соглашение от ... года предусматривает, в том числе «составление стратегии защиты для Г.», на выработку которой и был направлен письменный анализ материалов дела, подготовленный адвокатом К.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокат К. приступил к оказанию юридической помощи по оценке риска привлечения Г. к уголовной ответственности на основании Соглашения от ... года, заключенного в простой письменной форме.

К такому же выводу Совет приходит и в отношении оказания адвокатом К. юридической помощи Г. при производстве следственных и иных процессуальных действий ... года, в силу следующего.

Как адвокат К., так и заявитель Г. в ходе дисциплинарного производства указали на то, что перед выездом адвоката К. в город Х. между ними была достигнута устная договоренность об осуществлении адвокатом К. защиты Г. при производстве следственных и иных процессуальных действий ... года. При этом адвокат К. представил в материалы дисциплинарного производства копию подписанного им и доверителем Г. Соглашения от ... года, предусматривающего в качестве предмета поручения выезд в город Х. для защиты Г. в ходе проведения следственных и иных процессуальных действий по уголовному делу ... года, а также, при необходимости, участие адвоката К. в судебном заседании по рассмотрению вопроса об избрании в отношении Г. меры пресечения.

В своих объяснениях адвокат К. последовательно настаивал на том, что Соглашение от ... года доверитель Г. подписал при их личной встрече в городе Х. ... года до начала следственных и иных процессуальных действий с ним.

В свою очередь, заявитель Г. первоначально занял противоречивую позицию, изложенную в жалобе и дополнении к ней, в соответствии с которой он не помнит момент подписания им Соглашения от ... года, не знал о его подписании, одновременно обвиняя адвоката К. в том, что в ходе следственных и иных процессуальных действий ... года тот «подсунул» ему на подпись, в том числе и «бланк соглашения», злоупотребив его доверием. Вместе с тем, принадлежность ему подписей в Соглашении от ... года заявитель не оспаривал. В дальнейшем в ходе дисциплинарного разбирательства, вопреки своим первоначальным утверждениям, заявитель сообщил, что в действительности Соглашение от ... года подписывалось ... года, когда Г. предъявлялось обвинение и составлялся протокол задержания.

Оценка довода заявителя Г. о злоупотреблении его доверием, в том числе и в связи с обстоятельствами подписания Соглашения от ... года, будет дана далее, однако даже из приведенных его объяснений следует, что Соглашение от ... года было им подписано, как минимум, до окончания оказания ему юридической помощи адвокатом К. При этом доказательств, опровергающих довод адвоката К. о подписании этого Соглашения перед началом следственных и иных процессуальных действий ... года, заявителем Г. не представлено. Кроме того, заявитель Г. признает, что заявление об отказе от защитника – адвоката К. было им написано утром ... года в период его нахождения в изоляторе временного содержания, то есть уже после окончания следственных и иных процессуальных действий, производившихся с участием адвоката К.

При таких обстоятельствах основания для вывода о совершении адвокатом К. дисциплинарного проступка в виде оказания юридической помощи без заключения соглашения в простой письменной форме

отсутствуют, и дисциплинарное производство в этой части подлежит прекращению.

Вместе с тем, Совет отмечает, что Соглашение от ... года в качестве предмета поручения предусматривает участие адвоката К. в следственных и иных процессуальных действиях в конкретную дату, а именно ... года, что противоречит требованиям Разъяснений № 6 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на уголовную защиту», утвержденных Советом 30 мая 2013 года, согласно которым «заклучение соглашения в объеме, не предполагающем защиту подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) на всем протяжении конкретной стадии уголовного судопроизводства, противоречит самой сути права каждого подвергнутого уголовному преследованию лица на получение квалифицированной юридической помощи, гарантированного ст. 48 Конституции Российской Федерации» (*Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2013. Выпуск № 6,7 (116,117). С. 14-15*). Однако Совет лишен возможности сформулировать правовые выводы по данному факту ввиду отсутствия соответствующего дисциплинарного обвинения.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в злоупотреблении адвокатом К. доверием Г., Совет отмечает, что согласно ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката «профессиональная независимость адвоката, а также убежденность доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему» (п. 1); «адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре» (п. 2); «злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката» (п. 3).

Согласно доводам жалобы заявителя Г., злоупотребление его доверием выразилось в том, что «в ходе подписания документов по уголовному делу адвокат «подсунул» Г. «бланк соглашения» между ними, «включая акты выполненных работ», и даже «взял подпись» Г. о том, что тот «получил свой экземпляр всех документов». При этом адвокат К. воспользовался тем, что Г. подписывал документы «с наручниками на руках, не глядя», находясь в паническом и спутанном состоянии сознания и безоговорочно доверяя своему адвокату.

Совет отмечает, что доказательства подписания заявителем Г. «актов выполненных работ» материалы дисциплинарного производства не содержат, тогда как представленный в эти материалы адвокатом К. отчет «о выполненной юридической помощи по соглашению об оказании юридической помощи № ... от ... года» датирован ... года, подписан только адвокатом К. и направлен доверителю Г. в форме светоконии в тот же день посредством мессенджера WhatsApp. Таким образом, доводы заявителя о подписании им «актов выполненных работ» по Соглашению от ... года не могут быть признаны доказанными.

Оценивая приведенные доводы заявителя об обстоятельствах подписания им Соглашения от ... года, Совет отмечает, что они не указывают на злоупотребление его доверием со стороны адвоката К.

Подписи доверителя Г. содержатся на каждом из трех листов Соглашения от ... года, а также в Приложении № 1 к нему («Прайс-лист»). Доказательств того, что Соглашение от ... года было подписано им в условиях порока воли на его заключение, а равно того, что он находился в состоянии, исключающем его способность понимать значение своих действий или руководить ими, заявитель также не представил. Его довод о том, что адвокат «подсунул» ему «бланк соглашения» в числе других документов, носит голословный характер и ничем не подтвержден.

Не свидетельствуют о пороке воли доверителя Г. и его доводы о подписании Соглашения от ... года на фоне уголовного преследования, а также в условиях применения к нему мер процессуального принуждения и специальных средств. Наличие данных обстоятельств не только не может опровергнуть волеизъявления доверителя на заключение соглашения об оказании юридической помощи, а, наоборот, свидетельствует о наличии у него потребности в юридической помощи защитника. При этом содержащиеся в переписке в мессенджере WhatsApp обстоятельства детального согласования между адвокатом К. и доверителем Г. выезда адвоката К. в город Х. для участия в следственных и иных процессуальных действиях ... года, равно как и факт частичной выплаты адвокату К. вознаграждения за оказание данной юридической помощи третьим лицом по поручению Г., указывают на то, что последний желал пригласить для оказания юридической помощи именно адвоката К., в связи с чем заключение письменного Соглашения от ... года соответствует воле Г. и фактическому поведению сторон правоотношения.

Учитывая отсутствие доказательств злоупотребления доверием Г. при заключении Соглашения от ... года, не может рассматриваться в качестве такового и отказ адвоката К. от возврата денежных средств в сумме ... рублей, которые заявитель Г. считает ошибочно перечисленными адвокату К. ... года, а впоследствии «присвоенными» последним. Из материалов дисциплинарного производства следует, что указанные денежные средства адвокат К. включил в сумму денежных средств, перечисленную им на расчетный счет адвокатского образования ... года на основании платежного поручения от ... года № ..., то есть как вознаграждение, полученное на основании Соглашения от ...года. Данная оценка адвоката соответствует условиям Соглашения от ...года, в соответствии с п. 4.4 которого вторая часть вознаграждения в размере ... рублей подлежит выплате адвокату К. в срок до ... года. При этом согласно п. 6.1 Соглашения от ...года адвокат довел до сведения доверителя, в чем заключается его работа, а доверитель объективно оценивает соотношения объема работы адвоката и установленного размера вознаграждения и согласен с ними.

В связи с этим Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства и в данной части, признавая презумпцию добросовестности адвоката К. неопровергнутой.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в невыдаче адвокатом К. экземпляра Соглашения от ...года доверителю Г., Совет учитывает, что согласно п. 1 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи», утвержденных Советом 29 сентября 2014 года, «в соответствии со ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» соглашение заключается между доверителем и адвокатом (адвокатами) в двух экземплярах. Получение, равно как и отказ в получении, доверителем экземпляра соглашения должны быть подтверждены его подписью на экземпляре, остающемся у адвоката» (*Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2014. Выпуск № 4 (126). С. 7; Сборник нормативных и информационных материалов за 2002-2014 годы: Специальный выпуск Вестника Адвокатской палаты города Москвы. М., 2014. С. 128*). Указанные Разъяснения приняты Советом в пределах его компетенции и обязательны для исполнения всеми адвокатами, являющимися членами Адвокатской палаты города Москвы.

В данном случае на последнем (третьем) листе Соглашения от ...года над подписью доверителя Г. имеется запись: «Ниже поставленной подписью доверитель также подтверждает, что получил на руки копию данного соглашения». Таким образом, приведенное выше профессионально-этическое предписание адвокатом К. исполнено.

При таких обстоятельствах ссылка Г. лишь на содержание сообщений в мессенджере WhatsApp от ... года, в которых он сам утверждает, что соглашение об оказании юридической помощи ему не выдавалось, и просит адвоката К. прислать его копию, не может рассматриваться в качестве достаточного доказательства, подтверждающего данное дисциплинарное обвинение. Совет дополнительно отмечает в этой связи, что данные заявления Г. сделал уже после предъявления к адвокату К. требования о возврате ... рублей, высказанной неудовлетворенности результатом оказания юридической помощи, а также получения от адвоката К. сообщения, в котором тот ссылался на условия Соглашения об оказании юридической помощи, то есть – после возникновения между адвокатом К. и доверителем Г. разногласий, в том числе и о размере подлежащей возврату доверителю денежной суммы. Вместе с тем, сам адвокат К. факт невыдачи доверителю Г. экземпляра Соглашения от ...года отрицал, указав в сообщении от ... года следующее: «Не мог не дать копию, в графе «копия соглашения мною получена» стоит ваша подпись».

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что довод заявителя Г. о невыдаче ему экземпляра Соглашения от ...года подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства не нашел, в связи с чем дисциплинарное производство и в данной части подлежит прекращению.

Рассматривая довод заявителя Г. об обещании ему адвокатом К. положительного результата оказания юридической помощи в виде непривлечения к уголовной ответственности за совершение преступления,

предусмотренного ч. 3 ст. 204.1 УК РФ, Совет отмечает, что в соответствии с пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе «навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей путем использования личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов, обещанием благополучного разрешения дела и другими недостойными способами». Согласно п. 2 ст. 10 названного Кодекса, «адвокат не вправе давать лицу, обратившемуся за оказанием юридической помощи, или доверителю обещания положительного результата выполнения поручения».

В обоснование указанного дисциплинарного обвинения заявитель Г. ссылается на следующую формулировку, содержащуюся на листе 10 письменного анализа материалов дела, направленного в его адрес адвокатом К. ... года: «На основании законодательства и сложившейся практики приходим к выводу, что в действиях Г. нет состава преступления». Однако из содержания данного документа следует, что приведенная формулировка, во-первых, является не обещанием положительного исхода дела, а профессиональным мнением адвоката, а во-вторых, она не исключает риска привлечения Г. к уголовной ответственности. На наличие такового, например, прямо указано в примечании на листе 15 вышеуказанного письменного анализа материалов дела: «Вместе с тем есть небольшой риск привлечения Г. по ст. 204.1 ч. 3 УК РФ при следующих условиях...». Там же, как указано выше, приводятся условия наступления этого риска, а также указываются действия, необходимые для снижения вероятности его наступления. При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу об отсутствии оснований для толкования приведенных формулировок в качестве обещания адвокатом К. доверителю Г. положительного результата оказания юридической помощи.

Не дают таких оснований и приведенные заявителем Г. в дополнении от ... года к поданной им жалобе ссылки на сообщение адвоката К. от ... года, в котором он указал, что в протоколе допроса «одного из участников преступления» (Л.) «есть фразы, которых бы лучше не было», но в целом, по его оценке, показания для Г. «хорошие». На основе данного утверждения также невозможно прийти к выводу о том, что Г. не будет привлечен к уголовной ответственности, а тем более – о том, что адвокат К. дает ему такое обещание.

Кроме того, согласно п. 2 ст. 18 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», «адвокат не может быть привлечен к какой-либо ответственности за выраженное им при осуществлении адвокатской деятельности мнение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность адвоката в преступном действии (бездействии)».

Иных доказательств дачи адвокатом К. заявителю Г. обещаний положительного результата оказания юридической помощи в виде непривлечения к уголовной ответственности заявителем не представлено.

Довод заявителя Г. о том, что адвокат К. исключил возможность избрания в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу, указав в одном из сообщений, что при избрании меры пресечения «негласно суды учитывают по коммерческим статьям» постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 2025 года № 1, был заявлен Г. лишь в дополнении от ... года к поданной ранее жалобе. В первоначальной жалобе Г. от ... года, по которой и было возбуждено настоящее дисциплинарное производство, указанный довод не содержится. Поскольку в силу требований п. 4 ст. 23 и п. 4 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката дисциплинарное разбирательство осуществляется в пределах жалобы, указанный довод оснований для наступления дисциплинарной ответственности адвоката К. не образует. При этом он, во всех случаях, не может рассматриваться как доказательство дачи им доверителю Г. обещания положительного результата оказания юридической помощи в виде непривлечения Г. к уголовной ответственности. Так, сам заявитель Г. в своей жалобе от ... года настаивает на том, что адвокат К. гарантировал ему именно непривлечение к уголовной ответственности, однако в вышеупомянутом дополнении от ... года к указанной жалобе сообщает, что в ходе состоявшегося ... года аудиозвонка посредством мессенджера WhatsApp адвокат К. убеждал Г. в том, что последнему «ничего не будет за совершенные действия, а даже если и будет, то под стражу его следователь взять не сможет. Таким образом, вопреки первоначально заявленным доводам, дополнительные доводы заявителя Г. свидетельствуют о том, что возможность привлечения Г. к уголовной ответственности адвокат К. не исключал.

Учитывая изложенное, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о недоказанности доводов заявителя Г. об обещании ему адвокатом К. положительного результата оказания юридической помощи в виде непривлечения Г. к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 204.1 УК РФ, в связи с чем дисциплинарное производство в данной части также подлежит прекращению.

Рассматривая доводы жалобы о совершении адвокатом К. действий вопреки воле доверителя Г. в ходе следственных и иных процессуальных действий ... года, Совет отмечает следующее.

Недопустимость поведения адвоката К. заявитель усматривает в том, что тот вступил со следователем в конфликт, из-за чего Г. даже не разрешили позвонить родственникам и сообщить о своем задержании. При этом, когда Г. попросил следователя «заменить адвоката и не слушать его», сообщив о признании своей вины, а также о необходимости совершить звонок другому адвокату и родственнику, адвокат К. заявил, что Г. «просто «посыпался» и слушать его не надо».

В соответствии с п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, при осуществлении адвокатской деятельности адвокат обязан, в числе прочего, уважать права доверителей.

В силу пп. 1 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат не вправе «действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами или находясь под воздействием давления извне». При этом согласно пп. 2 п. 1 ст. 9 названного Кодекса, адвокат не вправе «занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле, за исключением случаев, когда адвокат-защитник убежден в наличии самоговора своего подзащитного».

Адвокат К. в ходе дисциплинарного разбирательства подобные высказывания со своей стороны не подтверждал, а заявитель Г. доказательств совершения адвокатом К. названных действий не представил. При этом в ходе дисциплинарного разбирательства неоднократно предлагалось представить в материалы дисциплинарного производства, в том числе копии протоколов следственных и иных процессуальных действий, произведенных с его участием ... и ... года, а также копии его заявления об отказе от защитника – адвоката К. Однако заявитель Г. копии этих документов не представил, как не представил и никаких иных доказательств, подтверждающих рассматриваемое дисциплинарное обвинение при том, что в силу пп. 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката бремя доказывания выдвинутого дисциплинарного обвинения лежит именно на нем.

Кроме того, Совет учитывает, что Г., давая ... года показания при участии адвоката К., свою вину признал, что впоследствии послужило основанием для применения к нему меры пресечения, не связанной с заключением под стражу. В этой связи доводы заявителя о том, что адвокат К., оказывавший ему юридическую помощь при даче по своей воле признательных показаний, действовал вопреки его же интересам, противоречивы.

При таких обстоятельствах Совет полагает, что презумпция добросовестности адвоката К. в отношении данного дисциплинарного обвинения также не опровергнута, а потому дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению.

При этом Совет не может согласиться с содержащимся в заключении Квалификационной комиссии доводом о том, что и в случае доказанности подобного поведения адвоката К. последний имел на него право, поскольку якобы полагал, что Г., давая признательные показания, оговаривает себя. Совет в этой связи, во-первых, отмечает неуместность данного предположения, сделанного Комиссией, поскольку ни адвокат К., ни сам заявитель довод о самоговоре со стороны последнего не выдвигали. Во-вторых, Совет подчеркивает, что действия адвоката в одной из самых сложных этических ситуаций – при несогласии с самоговором доверителя и его опровержении – должны предусматривать кардинально иной алгоритм поведения, включающий, в том числе проведение дополнительной конфиденциальной беседы с доверителем, разъяснение и обсуждение

последствий избранной им позиции, мотивированное письменное выражение несогласия с самооговором в соответствующих протоколах следственных действиях и иных процессуальных документах, последующее обжалование действий сотрудников правоохранительных органов, оказывавших на доверителя давление. Совет также подчеркивает, что ни при каких обстоятельствах оппонирование адвокатом самооговору доверителя не может выражаться в таких поверхностных, легкомысленных и неуважительных действиях, на которые указал заявитель Г., и которые, как указано выше, не нашли подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства.

Давая оценку доводам заявителя Г., выражающим его несогласие с размером полученного адвокатом К. вознаграждения, а также требованиям о его частичном возврате, Совет отмечает, что они не могут быть рассмотрены в настоящем дисциплинарном производстве. Споры о стоимости оказанной адвокатом доверителю юридической помощи дисциплинарным органам адвокатской палаты субъекта Российской Федерации неподведомственны, поскольку находятся за пределами их компетенции. Такие споры и разногласия между адвокатом и доверителем разрешаются путем переговоров или в суде в гражданско-правовом порядке. В связи с этим дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению вследствие обнаружившегося отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) по жалобе Г. от ... года (вх. № ... от ...):

в части доводов о несогласии с размером полученного адвокатом К. вознаграждения, а также требований о его частичном возврате – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения адвокатом своих профессиональных обязанностей.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков